

Реализм в тени

Избирательная кампания в США – это всегда больше, чем просто выборы в одной, пусть очень крупной и влиятельной, державе. В силу уникального положения Соединенных Штатов в международной системе президент этой страны, каким бы ни был он лично, обладает гигантской властью, и от того, как хозяин Белого дома ей распорядится, зависит развитие событий во всем мире. Это становится особенно важным, когда мировая политика переживает тектонические сдвиги и Вашингтону приходится принимать решения, как к ним относиться, какие процессы следует поощрять, а каким противодействовать.

Сейчас – именно такой момент. Президентский марафон-2016 привлекает всеобщее напряженное внимание не только и не столько потому, что ведущую роль в нем с самого начала играл такой яркий шоумен, как Дональд Трамп, и даже не тем, что изобилие кандидатов являет собой, вероятно, самый полный спектр самых разных идейных течений. (Это было особенно очевидно на многочасных дебатах республиканцев, но и в Демократической партии, где, казалось, победитель predetermined, развернулась острая полемика между «безальтернативной» Хиллари Клинтон и сенатором-социалистом Берни Сандерсом.)

Результаты февральских кокусов в Айове, первой официальной пробы сил, показали относительность и неточность предварительных прогнозов ведущих мониторинговых и статистических агентств. Окончательный подсчет голосов выявил двух победителей – сенатора от республиканцев Теда Круза, приверженца весьма консервативных взглядов, и демократа Хиллари Клинтон. При этом Круз обошел Трампа и «надежду истеблишмента» Марко Рубио всего на 3,4 и 4,6% соответственно, в то время как в стане демократов победитель определился лишь после подсчета 99,94% голосов¹. В итоге отрыв Клинтон от сенатора Берни Сандерса составил всего 0,4%². Крупная победа Трампа и Сандерса на праймериз в Нью-Гэмпшире только подтвердила, сколь острой будет борьба.

Эта напряженная кампания происходит на фоне масштабных международных перемен. Америка сталкивается с новыми вызовами – в мире и внутри

¹ Real Clear Politics. Iowa Republican Presidential Caucus. URL: http://www.realclearpolitics.com/epolls/2016/president/ia/iowa_republican_presidential_caucus_3194.htm

² Real Clear Politics. Iowa Democratic Presidential Caucus. URL: http://www.realclearpolitics.com/epolls/2016/president/ia/iowa_democratic_presidential_caucus-3195.html

Галстян Арег Степанович, кандидат исторических наук, руководитель научно-аналитического портала "American Studies". E-mail: galstyanareg@gmail.com

Лукьянов Федор Александрович, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», профессор-исследователь НИУ «Высшая школа экономики». E-mail: fyodor_lukyanov@gmail.com

страны, – а общество явно устало от вашингтонской политической «аристократии» и ждет чего-то нового. Собственно, избрание Барака Обамы в 2008 году уже было признаком этой тяги к переменам. Его президентство, наверное, войдет в историю как «переходное» – от США как бесспорного и ни в чем не сомневающегося лидера однополярного мира к Америке, которой приходится искать новые способы политического и морального лидерства в куда более сложной и диверсифицированной международной системе. Отсюда и обостряющаяся идейная борьба, беспрецедентная поляризация общества и политических сил.

Тема России, которую после окончания холодной войны стали относить к мировой периферии, неожиданно для многих американских политиков вернулась в круг существенных. С одной стороны, это, конечно, связано с активностью Москвы на международной арене, той «более центральной» ролью, которую наша страна играет сегодня в мире. Но помимо этого образ Владимира Путина (а на Западе российская политика сегодня крайне персонифицирована) превратился в некий политико-идеологический бренд. Отношение к нему определяет не только восприятие России, но и в целом позиционирование в рамках большой идейной палитры.

Начнем с крайне правого фланга. В декабре 2014 года бывший спичрайтер Ричарда Никсона Патрик Бьюкенен (в 1990-х он тоже пробовал свои силы в президентской кампании) привлек внимание статьей, в которой поднял вопрос – «Действительно ли Владимир Путин палеоконсерватор? Является ли он одним из нас (консерваторов) в культурной войне за будущее человечества?» [7].

Бьюкенен известен как традиционалист, ратующий за защиту ценностей и наследия «истинной Америки», в частности, он давно говорил об угрозе культурно-политической идентичности США, исходящей от массовой мексиканской миграции. Отвечая на свои вопросы о Путине, он констатирует, что нынешняя Россия позиционирует себя как защитница традиционных ценностей, что вызывает насмешки среди западных медиа и политических элит. Бьюкенен подчеркивает, что насмешки над Путиным и Россией являются типичной для либералов защитной реакцией из-за страха, что президент России действительно может говорить от лица миллионов консерваторов по всему миру.

Палеоконсерваторы – протекционистское и изоляционистское течение, выступающее против вмешательства США во внутренние дела других государств, – разделяют идеи Путина о многополярном мире. Бьюкенен отмечает, что российский президент воспринимает существующие международные реалии куда более адекватно, чем Обама. Билл Линд, другой яркий представитель правых, утверждает: главная причина внешнеполитических успехов Путина кроется в том, что официальная Москва сотрудничает с легитимными властями и народами, в то время как Обама «реализует интересы узкого круга лоббистов, игнорируя интересы страны» [15].

В свою очередь, известный консерватор-реалист Род Дреер считает, что российский президент – хладнокровный циник, который всегда принимает оптимальные решения. Дреер полагает, что будущее России – в гармоничных русских традициях, включающих православие и те установки, которые олицетворяет Путин. По его мнению, Путин видит возрождение России в повторном «открытии» христианства, что, в свою очередь, зависит от стимулирования чувства социального уважения и доверия к православной церкви [10]. Он одобряет подход Путина, считая, что православие является единственным логичным основанием для возрождения русской нации из руин, оставленных большевиками.

Дреер, как и Бьюкенен, поддерживает позицию России по многим внешнеполитическим вопросам. В частности, он отмечает, что, защищая Башара Асада в Сирии, Путин «оказывает услугу» Западу. По его убеждению, США и Евросо-

юз не осознают масштабы катастрофы, которая ожидает цивилизованный мир в случае уничтожения Сирии и установления хаоса на Ближнем Востоке. В качестве примера Дреер приводит недавние теракты во Франции, шокировавшие большинство американцев: «Мы были шокированы, европейцы напуганы. Это плата за недальновидную политику, которая угрожает нашим народам».

Не менее показательна позиция у одного из признанных ныне лидеров американских традиционалистов, Бена Карсона. Его аргументы схожи с позицией Бьюкенена и Дреера – он согласен с тем, что Путин выдвинул себя в качестве великого защитника христианства. В течение последних нескольких лет Путин эффективно использовал религиозную риторику для достижения целей как во внутренней политике, так и во внешней. Карсон и другие традиционалисты особенно подчеркивают, что Путин укрепил отношения между государством и Русской православной церковью, опираясь на церковь так же, как это делали цари, а в отдельные исторические моменты – даже Советская власть. Карсон также многократно утверждал, что в Сирии Путин защищает не Асада, а христианскую общину.

Такая позиция в немалой степени обусловлена внутриамериканской борьбой. Ссылки на поддержку Путиным христиан в России и во всем мире дают правым консерваторам и традиционалистам аргумент, согласно которому Америка становится враждебной к христианам, а сам президент Обама – не подлинный христианин. Так, лидер крайних традиционалистов Виктор Хэнсон считает, что Путиным надо восхищаться, потому что он только подтверждает поддерживаемый консерваторами образ Барака Обамы как слабого и неэффективного лидера, когда дело доходит до внешней политики и международных дел [12]. В качестве аргумента служат и фотографии российского президента для журналов, где он занимается верховой ездой и охотой. Консервативные СМИ представляют Путина как образец мужественности по сравнению с Барак Обамой, который играет в гольф и занимается серфингом на Гавайях.

Лидеры крайних традиционалистов повторяют, что в президентство Владимира Путина Россия выходит на международную арену в качестве ведущей консервативной силы. Хэнсон и Рон Пол заявляют, что Россия спасла Барака Обаму от затруднительной ситуации, в которую он себя загнал по вопросу Сирии, неосмотрительно объявив «красные линии». При этом традиционалисты и палеоконсерваторы убеждены, что возвращение России в мировую политику отнюдь не воспроизводит парадигму холодной войны, Москва скорее делает ставку на другое мировоззрение, ставит во главу угла государственный суверенитет и стабильность статус-кво, а также противостоит распространению либеральных идей.

Большинство реалистов и изоляционисты в один голос твердят, что нынешняя администрация некомпетентна во внешней политике и заиклена на вопросах прав человека. Они убеждены, что игнорирование реалий, привело к поражению США на международной арене. Реалисты исходят из того, что Башар Асад – диктатор, но, именно он эффективно борется со злом и главной угрозой – «Исламским государством». Один из идеологов течения консерваторов-изоляционистов Дэвид Голдман, говоря о внешней политике, пишет, что Путин – бывший полковник КГБ, а Обама – бывший активист-общественник. Поэтому, мол, Путин априори лучше разбирается в международных отношениях, нежели Обама, у которого нет инстинктов лидера [11].

В целом большинство американских экспертов согласно с тем, что уважительное отношение к Путину обусловлено не столько уверенной внешней политикой России как таковой, сколько слабой и невнятной, с консервативной точки зрения, политикой Обамы. Экс-кандидат в вице-президенты и кумир Чайной партии в штате Аляска Сара Пэйлин назвала Путина героем консерваторов, от-

метив, что люди смотрят на российского президента как на того, кто борется с медведями, добывает нефть, а Обама носит мамины джинсы и играет в гольф¹. Хотя правым и традиционалистам нравятся быстрые внешнеполитические решения Путина, основной мотив их поддержки кроется в религии, которая возвела президента России в ранг защитника христианских, консервативных ценностей по всему миру.

Говоря о религии, лидер правых консерваторов в Луизиане Брайан Фишер заявил, что Путин – лев христианства, защитник христианских ценностей, президент, который призывает свою страну к принятию национальной идентичности, в основе которой лежат христианские ценности.

Неоконсерваторы по-своему тоже высоко оценивают внешнюю политику России при Путине, но в их случае это означает необходимость жесткого ответа, дабы не позволить Кремлю бросить вызов американскому доминированию. Представители этой фракции регулярно подвергают президента Обаму критике, обвиняя его в слабости и нерешительности в ответных действиях на шаги Путина в Сирии и на Украине. В этой логике российский президент не захватил бы Крым и не поддерживал бы Асада, если действительно ощущал бы американскую мощь. Так, сенатор от Южной Каролины Линдси Грэм, который долгое время был одним из сокрушительных критиков внешней политики Барака Обамы, заявил на CNN, что Россия стала активной на мировой арене по причине того, что у Америки слабый и нерешительный президент. Весьма ярко позицию неоконсерваторов выразил конгрессмен-республиканец Майк Роджерс, заявив, что Обама бросает шарики, а Путин играет в шахматы. Такие консервативные политики, как Джон Маккейн, Марк Рубио и Рудольф Джулиани говорят о смелости Путина и быстроте, с которыми он действует на Украине и Ближнем Востоке, о его качествах, которых недостает Обаме. Это, впрочем, никоим образом не свидетельствует об их симпатиях к российскому президенту, скорее – наоборот.

В статьях “Financial Times” в начале января 2015 года один из редакторов неоконсервативного журнала “The Weekly Standard” Кристофер Колдуэлл сделал выговор Западу за критику Путина. Он отметил, что США «сфокусировались на коротком списке причин, популярном среди элит, для критики» вместо того, чтобы обратить внимание на положительные вещи, которые сделала Россия [8]. Колдуэлл называет лицемерами тех, кто на Западе критиковал законы против гомосексуалистов в России. В доказательство он ссылается на то, что некоторые самые знаменитые противники закона Путина были ранее сторонниками закона антибогохульства, который был принят в Великобритании в 2006 году.

Колдуэлл намекает, что критики Путина лукавят, когда дело касается демократии: «Страны, читающие путинской России лекции о здоровой демократии, за последнее время сами передали власть от законодательных органов исполнительной, от избирателей – бюрократам». Он отмечает, что «в Европе это было сделано посредством делегирования полномочий Европейскому союзу, в США – судебным аннулированием результатов демократических выборов (включая те, что касаются однополых браков) и сложением полномочий Конгресса в вопросах торговли, войн, здравоохранения и разведки». Колдуэлл заканчивает утверждением о том, что расстояние, отделяющее гражданские права на Западе и в России, не такое уж и большое, как это было десять лет назад.

Критика Колдуэлла отчасти переключается с мнением Генри Киссинджера, хотя последний никак не относится к неоконсервативному крылу. В шумевшей статье 2014 года Киссинджер писал, что «демонизация Путина – это не политика, а алиби, которое должно оправдать ее отсутствие» [14].

¹ Palin: Obama known for ‘mom jeans’. Politico. March 4, 2014. URL: <http://www.politico.com/story/2014/03/sarah-palin-president-obama-vladimir-putin-104218>

Резко отрицательное отношение к современной России и президенту Путину наблюдается в среде умеренных и либеральных консерваторов. Лидеры этих течений сенаторы Марк Кирк, Джим Инхоф придерживаются позиции, что Путин – автократ, который заключил своих оппонентов под стражу, использовал жесткую силу, полностью разрушив Грозный во время войны в Чечне, оккупировав Крым и Восток Украины, и продолжает вести политику поддержки диктаторского режима в Сирии. Они утверждают, что для Путина христианство – всего лишь инструмент для введения агрессивной внешней политики. Либеральные консерваторы подчеркивают, что традиционалисты и неоконсерваторы ненавидят Обаму за то, что он защищает и поддерживает равные права для всех американцев, которые гарантирует Конституция США, и они терпеть не могут президентский подход «прежде всего дипломатия» во внешней политике.

Любое движение, особенно политическое, ищет лидера, который станет для него прототипом, на который смогли бы указать все участники движения как на идеал. Поскольку консерваторы как политическая сила разделены на различные группы с относительно разрозненными целями, им довольно трудно найти такой прототип, который представлял бы как «теократов», стремящихся установить религию в качестве движущей силы, так и неоконсерваторов, желающих доминировать над миром посредством военного завоевания. Американские консерваторы разного толка нередко таким образом ссылаются на Рональда Рейгана, но за последние десять лет всё же так и не нашли актуального кандидата, похожего на него. И этот вакуум, как ни парадоксально, заполняется Путиным, в котором правое крыло американских консерваторов видит характер и качества Рейгана, а в современной России – американскую жесткость и решительность периода 1980–1990-х годов.

Следует ли из вышеизложенного делать вывод, что среди американских консерваторов возможно найти опору для более конструктивных отношений между Россией и США, своего рода «пророссийское лобби»? Едва ли. Те, кто видит в российском президенте пример для подражания, составляют скорее крайнюю и заведомо маргинальную часть политического спектра. И, как указано выше, их уважение к Путину является прежде всего способом снова и снова продемонстрировать свое неуважение к собственному президенту-демократу. Крайние консерваторы вообще воспринимают внешнюю политику как нечто, скорее мешающее нормальному развитию Америки, чем как приоритет. Поэтому рассчитывать на то, что они будут оказывать серьезное воздействие в направлении улучшения отношений с Россией, не приходится. Это было бы возможно в случае, если бы кто-то из крайних консерваторов-изоляционистов победил в борьбе за президентство, но такое практически невероятно. В остальном же республиканские представления о внешней политике сегодня формируются в рамках, которые предусматривают резко негативное отношение к России.

Как отмечает И.А. Сафранчук, исследовавший палитру экспертных оценок в США, восприятие России сегодня определяется неформальной коалицией «алармистов» и «скептиков», которых объединяет неприятие современной российской политической модели [5]. Республиканцы и неоконсерваторы в основном составляют категорию «алармистов», которые считают Россию достаточной угрозой, чтобы активно противодействовать ей и осуществлять политику повсеместного сдерживания [см., напр.: 6; 9].

Со второй половины 2000-х годов в Соединенных Штатах стал обсуждаться некий вызов, который бросают «великие авторитарные державы» [3; 13]. Несмотря на подчеркивание экономического упадка России, что является сейчас общим местом для американских оценок, опасения насчет «альтернативной модели» продолжает присутствовать, теперь в основном в связи с ростом роли Китая и вероятным российско-китайским сближением. К скептикам относят-

ся в большей степени либеральные интервенционисты, которые полагают, что Россия представляет собой несостоятельную в более длительной перспективе модель, и лучшей тактикой было бы умеренное сдерживание в ожидании, когда российский потенциал исчерпается сам собой.

И.А. Сафранчук отмечает, что в сегодняшней политической конфигурации в Вашингтоне эксперты и политики, которых традиционно относят к реалистической школе (их олицетворением и живым классиком является Генри Киссинджер), не играют определяющей роли, в особенности в том, что касается России. Отдельные яркие выступления представителей этого течения (как, например, наделавшая много шума статья Джона Миршаймера в журнале "Foreign Affairs", которая возлагала на Запад ответственность за кризис на Украине) становятся предметом нападков со всех сторон [4]¹. И дело здесь не столько в России, сколько в том, что подобная позиция, оценивая действия США с точки зрения политического реализма, ставит под сомнение базовые постулаты об успешности и безальтернативности американского курса, утвердившиеся после холодной войны. Реалисты же, как точно отмечает Сафранчук, в большинстве не стремятся жестко отстаивать такую позицию, поскольку заинтересованы не в критике текущей линии, а в возвращении своего влияния на практическую политику в целом.

В СССР, а затем и в России существовало представление о том, что при всех различиях и антагонистическом отношении по большинству вопросов Москве предпочтительнее иметь дело с республиканцами, консерваторами. Они, мол, являются прагматиками и готовы на разумные договоренности, в то время как на демократическом фланге гораздо больше идеологического пафоса и предвзятости. Такая точка зрения, впрочем, далеко не всегда, подтверждалась в реальной жизни, а ее приверженцы обычно ссылались на взаимоотношения Кремля с республиканскими администрациями Ричарда Никсона и Джеральда Форда (1969–1977), где внешнеполитическую философию определял выдающийся представитель школы политического реализма Генри Киссинджер. Никсон и Форд выглядели особенно привлекательно на фоне демократической администрации Джимми Картера (1977–1981), когда в американский лексикон вошла тема защиты прав человека. Президентство Рейгана дало примеры как острой эскалации давления на СССР, так и подлинного размораживания и сближения, но это не вполне чистый эксперимент, поскольку в самом Советском Союзе начали происходить радикальные перемены. Преемник Рейгана, республиканец Джордж Буш-ст., яркий представитель реалистического подхода, вел себя в отношении СССР весьма сдержанно и холодно. Вопреки надеждам горбачевского руководства на дальнейший быстрый прогресс отношений, он скорее выжидал, наблюдая ослабление позиций советских визави [подр. см.: 1].

Как бы то ни было, конец холодной войны изменил общую парадигму отношений. В годы большого ядерного противостояния (особенно после Карибского кризиса) руководителям обеих сторон – вне зависимости от партийной принадлежности, идеологических и политических пристрастий – приходилось руководствоваться прежде всего реалистическими подходами. В их основе – идея баланса сил. Нарушение его было чревато столь серьезными последствиями, что амбиции приходилось умерять. После распада Советского Союза верх взяла противоположная идея – баланс не нужен, а нужна трансформация всего мира в направлении доказавшей свою правильность либеральной идеологии. И в этой рамке действовали представители обеих партий в США. Неоконсервативная администрация Джорджа Буша-мл. успешно опровергла все надежды на «разумных» республиканцев, в ее деятельности идеологический запал

¹ Реакция на эту статью: [2].

в форме «продвижения демократии» оказался едва ли не более сильным, чем у предшественника – демократа Билла Клинтона. В условиях априорности идеологического превосходства, которые сформировались после холодной войны, консервативный реализм оказался оттеснен на второй план как, если так можно выразиться, недостаточно продвинутой и амбициозной доктрина. И нет оснований ожидать, что в обозримый период это изменится.

Однако общая ситуация все же не статична. Неудачи крайне напористой политики при Джордже Буше-мл., которая привела к преумножению американских проблем на международной арене, а также весьма противоречивые результаты Барака Обамы, воспринимавшегося в качестве антипода Буша, стимулируют процесс поиска новых способов проведения внешней политики. Пока дискуссия в основном вращается в довольно узком пространстве рассуждений о безальтернативности американского лидерства в мире и исключительной правоты Соединенных Штатов. Усложняющаяся и становящаяся все более многообразной международная обстановка способна тем не менее заставить вернуться к не столь идеологизированной повестке, и тогда возможна реабилитация политического реализма. Правда, пока довольно трудно предсказать, что это будет означать для России. Ведь место нашей страны в рамках гипотетического будущего баланса сил просчитать непросто. Сила в современном мире далеко не исчерпывается военными возможностями и включает в себя множество других параметров, прежде всего экономических. Россия же пока если в чем и преуспела, то только в военно-политическом укреплении, чего может оказаться недостаточно.

Литература

1. *Адамишин А.Л.* О прошлом, которое продолжается // Россия в глобальной политике. 2008. № 3. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_10947
2. Виновные державы / Дж. Миршаймер, С. Сестанович, М. Макфол // Россия в глобальной политике. 2014. № 5. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vinovnye-derzhavy-17105>
3. *Гат, Азар.* Возвращение великих авторитарных держав // Россия в глобальной политике. 2007. № 4. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_9213
4. *Миршаймер Дж.* Почему Запад повинен в кризисе на Украине // Россия в глобальной политике. 2014. № 4. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Pochemu-Zapad-povinen-v-krizise-na-Ukraine-16921>
5. *Сафранчук И.А.* Устойчивые системы стратегических взглядов на Россию в американском экспертном сообществе // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 6. С. 93–105.
6. *Blank, Stephen.* Threats To and From Russia: An Assessment // Journal of Slavic Military Studies, Vol. 21, No. 3, July–September 2008. P. 491–526.
7. *Buchanan, Patrick J.* Is Putin One of Us? // Patrick J. Buchanan Official Website. December 17, 2013. URL: <http://buchanan.org/blog/putin-one-us-6071>
8. *Caldwell, Christopher.* Foreign leaders' judgment of Putin is hasty and harsh // Financial Times. February 7, 2014. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/752c5b6e-8e8a-11e3-98c6-00144feab7de.html#axzz3zfXqe6Pt>
9. *Cornell, Svante; Starr, Frederick S. (ed.).* The Guns of August 2008: Russia's War in Georgia. 2009.
10. *Dreher, Rod.* Why Is Russia Dying? // The American conservative. September 9, 2014. URL: <http://www.theamericanconservative.com/dreher/why-is-russia-dying>
11. *Goldman, David.* Vladimir Putin, Leader of the Free World // Asia Times. November 18, 2015. URL: <http://atimes.com/2015/11/vladimir-putin-leader-of-the-free-world/>
12. *Hansen, Victor.* What Drives Vladimir Putin? // National Review. May 8, 2014. URL: <http://www.nationalreview.com/article/377462/what-drives-vladimir-putin-victor-davis-hanson>
13. *Kagan, Robert.* The Return of History and the End of Dreams. New York, 2008.
14. *Kissinger, Henry.* To settle the Ukraine crisis, start at the end // The Washington Post. March 5, 2014. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/henry-kissinger-to-settle-the-ukraine-crisis-start-at-the-end/2014/03/05/46dad868-a496-11e3-8466-d34c451760b9_story.html
15. *Lind, William S.* Russia's Right Turn // The American conservative. February 11, 2014. URL: <http://www.theamericanconservative.com/articles/russias-right-turn>

Аннотация. В статье фиксируется внимание на том, что знаменующие выборами-2016 политические перемены в Соединенных Штатах не могут не оказать существенного воздействия на мировую политику – в силу того места, которое США занимают в мире. Авторы также констатируют возвращение российской темы в фокус американской политики. В этой связи высказываются предположения относительно возможного расширения мировой повестки.

Ключевые слова: президентская избирательная кампания в США 2016 года, Республиканская партия США, американо-российские отношения.

Areg S. Galstyan, Ph.D. in Historical Science, Senior Manager, “American Studies” Scientific and Analytical Portal. E-mail: galstyanareg@gmail.com

Fedor Lukyanov, Editor-in-Chief, “Russia in Global Policy” magazine, Professor-Analyst, National Research University “Higher School of Economics”. E-mail: fyodor_lukyanov@gmail.com

Realism in the Shadows

Abstract. The article puts forward the idea that political changes in the United States associated with the 2016 elections are sure to seriously influence the world politics - due to the distinguished place of the USA in the world. The authors also state that Russian issues are again the focal point of American politics. The authors suggest thereupon that the global agenda might be expanded.

Keywords: Presidential Elections Campaign in the USA in 2016, the USA Republican Party, American-Russian Relations.